

Хунси метался по кабинету, словно загнанный в ловушку зверь, после чего замер у окна. Он скользнул взглядом по пышной листве платана. Глубоко вздохнув, он потер переносицу, покосился на стоявшего перед ним на коленях слугу и ледяным тоном скомандовал:

— Передай третьему принцу весть: «Старый друг вернулся»... И держи тех людей под присмотром. Если кто-то из них вздумает мстить, подтолкни их слегка. Только тонко, без лишнего шума. А если всё вскроется... пусть грызутся между собой, как собаки.

Резким движением рванув ворот халата, Хунси широким шагом направился на тренировочную площадку. В груди клокотала ярость. Схватив плетень, он принялся неистово рассекал воздух, упиваясь свистом кожи, пока силы окончательно не иссякли. Тяжело дыша, он опустил оружие и медленно побрел вдоль оружейных стоек.

Физическая разрядка принесла облегчение, выметая из души остатки гнева. Хунси успокоился и принялся размышлять: на что способны те связи, которыми он сейчас располагал? Все эти годы он терпеливо собирал воедино уцелевшие крупы былой сети. Подводя итоги, он понимал — в его руках сосредоточилась грозная сила.

«Похоже, Юнчжэн всё-таки переоценил свои возможности», — подумал Хунси с презрительной усмешкой, рассеянно потирая висевшее на шее кольцо лучника.

В рядах «Кровавых капель» покойного Юнчжэня служили в основном выходцы из Цзяньху, и некоторые из них знали с его собственными людьми. Узнав об этом впервые, Хунси заколебался, но всё же велел установить слежку, чтобы прощупать структуру их организации. Раз уж он твердо решил копить силы, рано или поздно ему придётся столкнуться со Службой прилипающих шестов и «Кровавыми каплями». Столкновение ради Амы было неизбежно.

Несколько дней пристального наблюдения принесли ошеломляющую весть: у «Кровавых капель» сейчас не было хозяина. Хунси не поверил своим ушам. На мгновение ему даже показалось, что его соглядатаи выдали себя, и противник просто путает следы, расставляя ловушку.

Промучившись без сна всю ночь и так и не найдя разгадки, он решил довериться Иньти. Выслушав племянника, тот надолго задумался. В глубине души Иньти оставался человеком прямолинейным. В этой жизни он кропотливо создавал собственную тайную организацию, однако ему и в голову не приходило связываться с вольницей из Цзяньху.

Иньти отправил своих доверенных людей на разведку. Шаг за шагом они подтвердили невероятную правду: у «Кровавых капель» действительно не было предводителя. А само имя «Кровавых капель» продолжало существовать лишь потому, что уцелевшие бойцы свято чтит единственный приказ, данный им некогда: следить за членами императорского рода, способными пошатнуть трон. Любого, в ком зародится крамола, следовало уничтожить.

Осознав это, оба застыли в гробовом молчании. Спустя долгие минуты Хунси тихо рассмеялся. Смех нарастал, переходя в безудержный, истерический хохот, в котором не осталось и следа от

былого благородства... Наконец, задыхаясь и прижимая ладонь к груди, он бессильно сполз в кресло.

В глазах Иньти отражалось лицо племянника, искаженное безумной, ядовитой злобой. Хунси понимал, насколько жалко и отвратительно выглядит сейчас его перекошенное лицо — страшнее любых рыданий, — но остановиться уже не мог.

Иньти тяжело вздохнул. Поднявшись, он сел рядом, притянул Хунси к себе и стал тихонько баюкать его, похлопывая по спине.

Хунси вцепился в его кафтан на груди, сквозь слезы выдавливая слова:

— Дядюшка... До чего же жалок этот Юнчжэн! Покойный девятый дядя перед смертью нанёс ему сокрушительный удар — прямо в самое уязвимое место, в его болезненную мнительность... Ведь если подумать, разве кто-то посмел бы рисковать жизнями своих близких и идти против воли императора, не будь он загнан в угол? Но Юнчжэну этого было мало. Он никому не верил. Казнил, ссылал, держал всех в вечном страхе. Чтобы расчистить дорогу Хунли, он велел передавать титулы младшим и побочным сыновьям во всех княжеских домах, умышленно стравливая братьев. Если бы ты видел, какая там царила смута! Пятый и седьмой дядья из всех сил старались держаться в стороне от борьбы за престол, но и их не пощадили. Этот человек любил называть себя одиноким воином на престоле. Ха! И всех, кому доверял, он сделал такими же одиночками. Нянь Гэньяо, Ли Вэй... хоть один из них закончил добром? А как он превозносил тринадцатого дядю, Великого князя И первого ранга! Нарушал ради него любые приличия, осыпал милостями. Пока отец был жив, Хунли тоже склонял перед ним голову. Но стоило Юнчжэну испустить дух — и все, кого он ласкал, поплатились. Новый император первым же делом уничтожил их. Хунли — истинный сын своего отца! Под надуманным предлогом он упрятал под замок и меня, и всех моих близких. Вспомни тех, кто учился со мной в императорской школе — мало кто избежал опалы. Лишь Хунчжоу вовремя смекнул, куда дует ветер, и устроил фарс со своими собственными похоронами. Заслужил славу безумца, а вдовствующая императрица Нюхуру пожалела его из старой привязанности — вот и оставили шута при дворе для вида. Ха! Хунчжоу оказался хитрее всех. Интересно, если бы Юнчжэн узнал об этом, каково бы ему было? Восстал бы из могилы от ярости, чтобы тут же испустить дух снова?..

«Юнчжэн, в прошлой жизни ты сохранил мне жизнь, и теперь я не трону тебя пальцем. Ты ведь так ценил свою подозрительность? Что ж, я лишу тебя рук и ног, выколю глаза, вырву язык и зубы. Пусть ты исходишь желчью от вечных подозрений, пусть сам загонишь себя в могилу!»

При воспоминании об унижениях, которые ему приходилось сносить во время допросов перед тронем, кровь Хунси вновь закипела от жажды расправы. Сделав несколько глубоких вдохов, он заставил себя успокоиться. Он хищно и ледяно улыбнулся.

«Не нужно спешить. Всё будет происходить медленно, шаг за шагом, один за другим... И тогда все эти годы ожиданий окупятся сполна».

— Чэнчжай?

Хунси мгновенно стер с лица прежнее выражение. Обернувшись, он приветливо и мягко улыбнулся:

— Старший брат.

Фулиньань с высоты своего роста оглядел младшего брата. Взгляд его скользнул по плети, свернутой на поясе мальчика. Владел он ею превосходно, этого не отнять. Однако, прикинув рост подростка, едва достававшего ему до груди, Фулиньань нахмурился. Сам он успел понюхать порошу на войне и не раз заглядывал в лицо смерти. Леденящая душу жажда крови, которую он только что уловил в Чэнчжае, была слишком отчетливой и настоящей. Откуда такие чувства у изнеженного барчука, не покидавшего стен родной усадьбы?..

Заметив этот пристальный, оценивающий взгляд, Хунси понял, что выдал себя. Однако оправдываться не стал — лишь спокойно и равнодушно посмотрел брату в глаза.

Если Иньти ещё питал какие-то родственные чувства к Фухэну и остальным домочадцам, то Хунси наотрез отказывался принимать свою новую судьбу. Со всеми в доме он держался подчеркнуто вежливо, но за этой вежливостью скрывалась глухая, непреодолимая стена отчуждения. Иньти как-то спросил его, почему он не может оставить прошлое позади. Хунси тогда долго подбирал слова, но в итоге так и не нашёл что ответить.

В прежней жизни, пусть его и воспитывал сам дед, император Канси, Хунси всегда знал, кто любил его по-настоящему. Кровные узы не разорвать — ближе всех ему всегда был отец, Иньжэн. Очнувшись в новом теле, он поначалу вовсе не хотел жить. Лишь влачил бесцельное существование, упрямо цепляясь за ускользающую реальность. Лишь мысль о том, что Ама там, на небесах, больше всего тревожится о судьбе своих детей, удерживала его на краю пропасти. Как бы он предстал перед отцом в загробном мире, если бы сдался раньше времени?

Только после встречи с Иньти в его душе забрезжила робкая надежда. А когда до него дошли вести об Иньжэне, Хунси будто заново родился. С него спала мертвенная апатия, он начал общаться с окружающими. Однако Фулиньань последние годы почти безвыездно проводил в военных лагерях, так что виделись они крайне редко. Для Хунси стоящий перед ним воин оставался абсолютно чужим человеком.

Фулиньань молча разглядывал брата, затем неторопливо произнес:

— Твоя плеть хороша, Чэнчжай. Но для настоящего боя она не годится. Саблей владеть умеешь?

Хунси на секунду растерялся, но тут же беззаботно, по-детски улыбнулся:

— Научишь меня, брат?

Глядя на его искреннюю улыбку, Фулиньань смягчился и кивнул. Он подошел к стойке и принялся перебирать оружие, примериваясь к росту и телосложению младшего брата.

— Я редко бываю дома, но раз уж сегодня выдался свободный день... Нашему четвертому молодому господину самое время братья за оружие.

Выбрав учебный клинок с тупым лезвием, Фулиньань бросил его Хунси. Тот поймал оружие, сделал пару пробных взмахов и разочарованно поморщился:

— Меч всё-таки выглядит изящнее.

Фулиньань едва сдержал улыбку: «Совсем еще дитя». Чтобы не обидеть мальчика, он деланно кашлянул и наставительно произнес:

— У меча оба края острые. Стоит зазеваться — и сам подставишься. На поле боя нет места хвастовству и красивым позам. Там ошибки не прощают.

«Прописные истины. Зачем сотрясать воздух?» — подумал Хунси. Он взглянул на брата, которого совсем не знал, заметил теплоту в его взгляде и прикрыл глаза. Неужели тот пытается заботиться о нем? В голове промелькнул вихрь мыслей, но внешне Хунси остался невозмутим. Он вежливо отступил на шаг и сделал приглашающий жест свободной рукой.

Фулиньань коротко усмехнулся и мгновенно перешел в атаку. Тотчас выяснилось, что против настоящего воина, не намеренного поддаваться, Хунси — полный профан. Спустя пару ударов его ладони онемели от соударений стали, пальцы едва удерживали эфес. Он попытался разорвать дистанцию и выйти из боя, но натиск старшего брата был слишком стремителен. Каждое движение Фулиньаня дышало сокрушительной силой. Хунси нахмурился и посмотрел на него. Где же давешнее мягкое добродушие? Лицо Фулиньаня превратилось в каменную маску, а во взгляде сквозила беспощадная решимость.

«Неужели он действительно хочет меня прикончить?» — эта мысль заставила Хунси на мгновение оцепенеть.

— В бою доля секунды отделяет жизнь от смерти, — тихо произнес Фулиньань. Тяжелое лезвие его сабли замерло в каком-то волоске от горла Хунси. Смертоносная аура, окутывавшая воина, мгновенно растаяла.

Хунси прикрыл глаза, заставляя бешено колотящееся сердце успокоиться.

Фулиньань опустил саблю, мягко забрал клинок из ослабевших пальцев брата и вернул оба оружия на стойку.

Хунси послушно разжал ладонь. Когда он снова открыл глаза и встретился взглядом с братом, на его лице уже не было маски покорного ребенка. Он горделиво и властно усмехнулся:

— Не беспокойся, брат. Я всё прекрасно понял.

Фулиньань лишь снисходительно улыбнулся и потрепал его по волосам.

Вернувшись с полигона в Обитель принцев, Иньжэн принял ванну, облачился в простое нижнее платье, набросил на плечи тяжелый подбитый мехом плащ и опустился в глубокое кресло. Послание, доставленное Гао Хайчжэнем, заставило его надолго замереть. Лицо его не выражало никаких эмоций. Медленно, бережно он смял клочок бумаги в кулаке, превращая в труху, а затем усталым жестом велел слугам удалиться.

В опустевшей комнате Иньжэн сидел, выпрямив спину, и безучастно смотрел перед собой. Прошло немало времени, прежде чем взгляд его снова обрел осознанность. На губах появилась едва заметная улыбка.

«Вот и свершилось. Когда-то мне казалось, что при новой встрече с ними я потеряю рассудок от ярости, разорву их голыми руками... Но почему я так спокоен? Всё, что случилось в прошлой жизни, теперь кажется бесконечно далеким сном. Да, я по-прежнему законный наследник, но отнюдь не любимец отца. Больше никто не поет мне лживых дифирамбов о моем величии, тайно плетя интриги за спиной. Рядом нет братьев, притворяющихся добродетельными праведниками, пока их взоры горят жаждой наживы — теперь эту незавидную роль щита принял на себя пятый принц Юнци. Да и я больше не один. У меня есть братья, есть матушка, есть сестры... И есть верный друг, готовый исполнить клятву, данную когда-то».

Прижав ладонь к груди, Иньжэн тихо выдохнул:

«В этой жизни... я больше не поддамся зависти. Не позволю сердцу исходить кровью. И никогда больше не познаю отчаяния».

<http://bllate.org/book/18338/1863460>